

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Я. Чаленко

**Основные черты
морально - психологического
типа христианина по
новозаветному учению**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 7-8. С. 866-891.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Основные черты морально-психологического типа христианина по новозавѣтному ученію. *)

2. Морально-психологическій типъ христианина.

ДО ученію Новаго Завѣта, основной центръ всей нравственной жизни человѣка данъ въ его *сердцѣ* и *волѣ*, но никакъ не въ теоретическомъ разумѣ; послѣднему въ нравственной сферѣ новозавѣтнымъ ученіемъ отводится, несомнѣнно, лишь второстепенная роль. Отсюда естественно ожидать, что новозавѣтный идеалъ нравственного совершенства въ своихъ основныхъ чертахъ окажется совпадающимъ съ отмѣченными нами выше характерными чертами *сердечно-волевого* моральнаго типа. Дѣйствительно, въ Новомъ Завѣтѣ вполне опредѣленно и категорически высказывается та мысль, что понятія и сужденія нашего теоретическаго разума, когда послѣднему приходится имѣть дѣло съ вопросами религіи и морали, бываютъ истинными или ложными въ полной зависимости отъ того, насколько нормальными или ненормальными, съ этической точки зрѣнія, оказываются функціи нашего сердца и воли. Такъ, напр., „узрѣть“ Бога, т. е. познать Его, по новозавѣтному ученію, можетъ лишь человѣкъ, обладающій нравственно-чистымъ *сердцемъ*, человѣкъ, любящій Бога; наоборотъ, испорченное сердце человѣка не только является источникомъ возникновенія въ его душѣ дурныхъ поступковъ, но и *помысловъ* (Мѡ. XV, 17 — 19), въ частности, приводитъ человѣка къ извращенному *понятію* о Богѣ, напримѣръ, къ идолопоклонству. Носителемъ естественнаго нравственнаго закона, по

*) Продолженіе. См. іюнь.

ученію ап. Павла, является, именно, *сердце* человѣка, а не его теоретическій умъ (Рим. II, 15). Вполнѣ естественно поэтому, что и процессъ духовнаго благодатнаго возрожденія человѣка, по новозавѣтному ученію, также сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ области нашего *сердца и воли*. Вѣра въ Божественнаго Искупителя, о которой въ священныхъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, особенно въ посланіяхъ ап. Павла, говорится, какъ объ основномъ моментѣ въ процессѣ духовнаго возрожденія человѣка, — это вовсе не плодъ теоретическаго ума. Вѣра, какъ чисто познавательный процессъ, по ученію Новаго Завѣта, сама по себѣ вовсе не ведетъ человѣка ко спасенію. Такой чисто теоретической вѣры, по ученію ап. Іакова, не чужды даже бѣсы... и однако они трепещутъ (Іак. II, 19), слѣдовательно, такая вѣра оказывается безплодной. Спасительная вѣра во Христа, по ученію Новаго Завѣта, коренится въ *сердцѣ* человѣка и въ его *волю*: истинный послѣдователь Христа вѣруетъ въ Него *сердцемъ* (Рим. X, 8 — 10), а не умомъ. Божественная любовь, возрождающая человѣка, изливается, по ап. Павлу, именно, въ наши *сердца* (Рим. V, 5). Покаяніе, не въ смыслѣ теоретическаго сознанія своей грѣховности, а въ смыслѣ *сердечнаго сокрушенія и напряженнаго стремленія нашей воли* къ новой жизни, — составляетъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ начальныхъ моментовъ въ процессѣ духовно-нравственнаго обращенія человѣка ко Христу черезъ вѣру въ Него: только плачущіе о своихъ грѣхахъ, по слову Господа, утѣшатся; только алчущіе и жаждущіе правды насытятся ею (Мѡ. V, 4, 6). Спасительная вѣра, о которой говорится въ посланіяхъ ап. Павла и въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, это—вѣра, *любвию постигшесвуемая* (Галат. V, 6); слѣд., психологическій ея источникъ коренится не столько въ теоретическомъ умѣ человѣка, сколько въ его *сердцѣ и воли*. Отсюда понятно, почему ап. Іаковъ категорически утверждаетъ, что вѣра безъ дѣлъ, т. е. вѣра теоретическая—мертва есть, точно такъ же, какъ и ап. Павелъ, говоря о спасающей вѣрѣ, всегда указываетъ и на тѣ альтруистическія движенія человѣческаго *сердца и воли*, какія вызываются подобной вѣрой и какія побуждаютъ человѣка творить добрыя дѣла, именно, изъ чувства любви къ ближнему. Какъ бы ни была велика вѣра человѣка, какъ-бы съ внѣшней стороны ни были добродѣтельны его поступки, но если то и другое

не споспѣшествуется *любовію*, т. е. соответствующимъ внутреннимъ движеніемъ сердца и воли человѣка, то, въ глазахъ ап. Павла, такой человѣкъ лишь мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій (1 Коринѣ. XIII, 1—7) и его нравственная цѣнность равна нулю. По ученію Новаго Завѣта, спасающая вѣра настолько неразрывно, органически связана съ любовію, что оба эти душевные процессы мыслятся, какъ различающіеся между собою не столько качественно, сколько, такъ сказать, количественно — по объему и по степени: любовь составляетъ психологическую основу всѣхъ добродѣтелей, въ томъ числѣ и вѣры, будучи, по ап. Павлу, „союзомъ всѣхъ совершенствъ“ (Колосс. III, 14). Всѣ прочія добродѣтели, въ томъ числѣ и вѣра, и даже *всѣ душевныя функціи*, не исключая и функцій нашего разума, — по ученію ап. Павла, въ данномъ случаѣ являются лишь какъ бы отдѣльными моментами въ развитіи того единого процесса духовнаго возрожденія и нравственнаго преуспѣянія человѣка, существо котораго находитъ свое наиболѣе точное и чистое выраженіе въ чувствѣ *любви*, вслѣдствіе чего на высочайшей ступени духовно-нравственнаго совершенства человѣка всѣ его частныя добродѣтели и даже функціи его разума должны утратить свои специфическія, отличительныя черты, и въ душѣ человѣка сохранится безраздѣльно царящею одна лишь *любовь* (1 Коринѣ. XIII, 8—13). Отсюда понятно, почему основою заповѣдью, исполненіе которой должно наполнять собою все содержаніе духовной жизни истинныхъ послѣдователей Христа, — является заповѣдь о любви къ Богу и ближнему, въ различныхъ формахъ ея проявленія. Но если процессъ духовно-нравственнаго благодатнаго возрожденія человѣка, по ученію Новаго Завѣта, по своему существу, есть нѣчто единое и имѣетъ свой психическій центръ, именно, въ *практическомъ разумѣ* человѣка, т. е. въ его *сердцѣ* и *волѣ*, то, естественно, что и всѣ частныя добродѣтели, какъ отдѣльныя, частные моменты этого процесса, по новозавѣтному ученію, также имѣютъ свою основу въ нашемъ сердцѣ и волѣ.

Даже истинная мудрость человѣка, или истинное разумѣніе, понимаемое въ смыслѣ добродѣтели, т. е. оцѣниваемое съ *этической* точки зрѣнія, по ученію ап. Павла, имѣетъ свой корень въ человѣческомъ сердцѣ, и о ней онъ нерѣдко говоритъ, какъ о функціи, именно, нашего сердца, а не ума,

вслѣдствіе чего онъ находить, напр., возможнымъ говорить о разумномъ или неразумномъ сердцѣ человѣка.

Но если центромъ нормальной духовной жизни человѣка, вообще, и религіозно-нравственной, въ особенности, по ученію Новаго Завѣта, является *практическій разумъ* человѣка, если его теоретическому разуму отводится лишь второстепенная, служебная роль, то отсюда само собою слѣдуетъ, что при обратномъ соотношеніи этихъ двухъ основныхъ душевныхъ силъ человѣка, когда въ его душевной жизни доминирующую роль получаетъ теоретическій разумъ,—въ этомъ случаѣ въ душѣ человѣка, по новозавѣтному ученію, долженъ произойти внутренній разладъ, коренное извращеніе нормальнаго теченія его душевной жизни. И, дѣйствительно, односторонній интеллектуализмъ, т. е. самопревозношеніе теоретическаго разума человѣка и его нежеланіе подчиняться голосу человѣческаго сердца, въ Новомъ Завѣтѣ подвергается строгому осужденію, какъ такое душевное состояніе человѣка, которое дѣлаетъ его невоспріимчивымъ къ евангельской проповѣди и неспособнымъ къ благодатному религіозно-нравственному возрожденію. Таковы, напр., были столь часто обличаемые Христомъ ученые книжники и фарисеи, теоретическая освѣдомленность которыхъ въ Священномъ Писаніи засвидѣтельствована самимъ Христомъ, но которые, тѣмъ не менѣе, по словамъ Господа, стояли на столь нязкой степени *нравственнаго* развитія, что и сами были негодны для Царствія Божія, и другимъ заграждали доступъ къ нему. И это потому, что знаніе Закона Божія у нихъ было чисто *теоретическимъ*: сердце ихъ далеко отстояло отъ Господа, а воля ихъ не была направлена къ добру и не проявляла себя въ добрыхъ дѣлахъ. За это они уподобляются Христомъ окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Съ не меньшимъ осужденіемъ къ представителямъ односторонняго интеллектуализма относится въ своихъ посланіяхъ и ап. Павелъ. Къ числу ихъ онъ, помимо іудейскихъ законниковъ, относитъ также тѣхъ представителей эллинской образованности, которые, будучи всецѣло заняты чисто теоретическими умствованіями и разнаго рода діалектическими тонкостями, въ то же время мало заботились о чистотѣ своего сердца и объ укрѣпленіи въ добрѣ своей воли, вслѣдствіе чего ихъ теоретическія познанія, по ап.

Павлу, не только оказывались безплодными для ихъ религіозно-нравственнаго преуспѣянія, но въ этомъ отношеніи были даже безусловно пагубными. Да и вообще ап. Павелъ своимъ послѣдователямъ совѣтуетъ въ жизни руководствоваться не столько доводами разума, сколько прислушиваться къ голосу своего сердца, поскольку „разумъ кичить, а любы созидаетъ“ (1 Коринѣ. VIII, 1). Подобное же отрицательное отношеніе къ одностороннему интеллектуализму, несомнѣнно, проходитъ красною нитью и чрезъ всѣ три посланія ап. Іоанна Богослова, энергично боровшагося съ діалектическими умствованіями гностиковъ, приводящими, въ концѣ концовъ, по слову апостола, къ нравственному распутству.—Въ силу всего этого, и самъ Христосъ, и Его апостолы находили себѣ истинныхъ послѣдователей, главнымъ образомъ, изъ среды людей, теоретически или совершенно необразованныхъ или же мало образованныхъ, поскольку, въ большинствѣ случаевъ, только такіе люди, въ силу характерныхъ особенностей тогдашняго образованія, и способны были съ сердечною вѣрою, безъ развѣдающей рефлексіи, глубоко воспринять въ себя сѣмена новаго ученія и новой жизни,—усвоить ихъ не умомъ только, но всѣмъ своимъ сердцемъ, всею душою и соответствующимъ образомъ направлять въ жизни и свою волю. Новый Завѣтъ, правда, не относится безусловно отрицательно къ теоретическому образованію, какъ къ таковому. Въ данномъ случаѣ достаточно указать на примѣръ ап. Павла, значительная теоретическая образованность котораго не только не помѣшала ему быть истиннымъ послѣдователемъ Христа, но оказала Апостолу въ его дѣятельности громадную услугу. Но зато во всѣхъ священныхъ писаніяхъ Новаго Завѣта, какъ мы видѣли, высказывается рѣшительное осужденіе тому душевному укладу человѣка, когда своему теоретическому разуму онъ предоставляетъ *доминирующую* роль по отношенію къ разуму практическому, и ап. Павелъ, человѣкъ теоретически несомнѣнно образованный, болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой изъ новозавѣтныхъ писателей, можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ истинный христіанинъ умѣетъ свои теоретическія познанія подчинить потребностямъ и голосу своего очищеннаго и обновленнаго сердца и воли. Во вторыхъ, по новозавѣтному ученію, религіозно-нравственное преуспѣяніе человѣка, какъ не находящееся въ причинной зависимости отъ его интеллектуальнаго развитія, оказывается

исполнѣ доступнымъ и для людей, теоретически даже весьма мало развитыхъ, если ихъ сердце и воля представляютъ къ тому благоприятную почву. Таковы, напр., дѣти, неоднократно поставляемыя Христомъ въ качествѣ образца для взрослыхъ, со стороны своей пригодности для Царствія Божія.

Что же касается вопроса о томъ, какая изъ двухъ основныхъ способностей практическаго разума—сердце или воля—по новозавѣтному ученію, является *центральною*, или же, можетъ быть, обѣ онѣ равнозначущи и, такъ сказать, параллельны другъ другу,—то на этотъ вопросъ мы должны дать отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что центромъ всей душевной жизни человѣка и религіозно-нравственной, въ особенности, по ученію Новаго Завѣта, является, именно, *сердце* (*cardia*). По ученію *Господа Иисуса Христа*, изъ *сердца* исходятъ не только помышленія злая, но также „убійства, прелюбодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы“, т. е., именно, въ *сердцѣ* человѣка локализуется не только интеллектуальная дѣятельность его души, но также и *волевая* (убійства, прелюбодѣянія и т. п.). А что сердце человѣка, по ученію Христа, является *сѣдалищемъ* нашихъ чувствованій, или эмоцій, это тѣмъ болѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.—Изъ апостольскихъ посланій мысль о томъ, что сердце человѣка является носителемъ не только его чувствованій и познавательныхъ функцій, но также и функцій *человѣческой воли*,—эта мысль ясно высказана, напр., у *св. Іоанна Богослова*, по ученію котораго истинное познаніе Бога необходимо должно сопровождаться, какъ своимъ естественнымъ слѣдствіемъ, *исполненіемъ Его заповѣдей*, т. е. соотвѣтствующею дѣятельностію нашей воли. А такъ какъ, по слову того же апостола, познаніе Бога, по существу, состоитъ въ *любви* къ Нему, т. е. имѣетъ свой центръ и корень въ *человѣческомъ сердцѣ*,—то, очевидно, что въ *сердцѣ* же человѣка лежитъ корень и его добродѣтельной дѣятельности—функція его къ добру направленной *воли* (1 Іоанн. II, 3—11; ср. III, 6—11; 23—24; IV, 7—16. 21). Истинная любовь, о которой говоритъ ап. Іоаннъ, есть такое чувство, которое, по его словамъ, необходимо проявляется въ соотвѣтствующей добродѣтельной *дѣятельности*, направленной на пользу ближняго, и въ *познаніи* истины: „Не любимъ словомъ ниже языкомъ, говоритъ апостоль,—но *дѣломъ* и *истиною* (1 Іоанн. III, 18). И ап. *Петръ* центръ всей религіозно-нравственной жизни человѣка полагаетъ,

именно, въ его сердцѣ, призывая вѣрующихъ къ тому, чтобы они святили Господа Бога въ своихъ *сердцахъ* (1 Петр. III, 15), и признавая цѣнною лишь ту добродѣтельную дѣятельность человѣка, которая имѣетъ свой источникъ въ тайникахъ человѣческаго сердца (1 Петр. III, 4).

У ап. Павла можно находить не менѣе опредѣленные и, при томъ, еще болѣе многочисленныя указанія на то, что и по его взгляду, именно, *сердце* человѣка въ его душевной жизни занимаетъ центральное положеніе,—болѣе центральное, чѣмъ его воля, которая, какъ и у ап. Іоанна, является лишь какъ-бы функціей сердца, особой формой дѣятельности этого послѣдняго, на ряду съ нашей познавательной дѣятельностію. И, дѣйствительно, сердце человѣка, по ап. Павлу, не только является носителемъ и корнемъ испытываемыхъ имъ разнообразныхъ *чувствъ*, какъ, напр., чувства печали (Рим. IX, 2; 2 Коринѣ. II, 4), радости (Ефес. V, 19; 2 Коринѣ. VI, 11), утѣшенія (Ефес. VI, 22), душевнаго міра (Колосс. III, 15; Филип. IV, 7), любви, благоволенія (1 Тим. I, 5; Рим. X, 1; 2 Коринѣ. VII, 3; ср. 1 Солун. II, 17) и т. п.; не только здѣсь, именно, т. е. въ сердцѣ, дана основа интеллектуальной дѣятельности (Рим. I, 21; X, 6; 2 Коринѣ. III, 15; Ефес. I, 18 и др.; см. выше),—но сердцу человѣка ап. Павелъ нерѣдко приписываетъ и чисто *волевыя* функціи и, такимъ образомъ, за сердцемъ признаетъ также значеніе психическаго сѣдалища человѣческой воли. Такъ, напр., ап. Павелъ говоритъ о сердечныхъ *намѣреніяхъ* человѣка (1 Корѣ. IV, 5), о *похотяхъ* человѣческаго сердца (Рим. I, 24), о *твердости* и *непреклонности* сердца человѣческаго (добраго: 1 Солун. III, 13; 2 Солун. II, 17; 1 Коринѣ. VII, 37; или злого: Ефес. IV, 18), о *покорномъ* или *непокорномъ* сердцѣ (Ефес. VI, 5—6; Колос. III, 22) и т. п. (Подробн. о воззрѣніяхъ ап. Павла на значеніе сердца человѣка, какъ центра всей его душевной жизни, см. у *Теодора Симона*: „Психологія Апостола Павла“, русск. переводъ епископа Георгія [Москва 1907], стр. 22—26). Правда, въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ иногда, по-видимому, доминирующая роль въ душевной жизни человѣка усваивается не его сердцу, а *уму* (νοῦς). Особенно часто такого рода мѣста попадаются въ посланіяхъ ап. Павла. Ближайшее разсмотрѣніе существа дѣла показываетъ, что въ подобнаго рода случаяхъ намъ приходится имѣть дѣло лишь съ недостаточно устойчивой *терминологіей* священныхъ

новозавѣтныхъ писаній, а не съ самопротиворѣчіями и неустойчивостію въ понятіяхъ. Дѣйствительно, если, напр., ап. Павелъ говоритъ о *воѣ* человѣка, какъ о такой его душевной способности, которой принадлежитъ и должна принадлежать самостоятельная или даже главенствующая роль въ душевной въ особенности религіозно-нравственной жизни человѣка,—то въ такихъ случаяхъ онъ подъ умомъ разумѣетъ не *теоретическій* разумъ человѣка, съ его чисто познавательными функциями, при томъ въ формѣ логическихъ понятій и сужденій, а именно то, что мы обозначали терминомъ разума *практическаго*, въ которомъ объединяются функціи человѣческаго разума, сердца и воли, съ преобладающей ролью *сердца*, по аналогіи съ тѣмъ, какъ и подъ *вѣрой* ап. Павелъ разумѣетъ не теоретическую вѣру, а вѣру, имѣющую свой корень въ *человѣческомъ сердцѣ* и проявляющуюся въ добрыхъ стремленіяхъ и дѣлахъ. Уму человѣка, поскольку ему приписывается значеніе центра человѣческой жизни, ап. Павелъ усваиваетъ не только познавательныя функціи, но также тѣ функціи, какія онъ въ другихъ случаяхъ усваиваетъ *человѣческому сердцу* и *воли*, т. е. видитъ въ немъ психическое сѣдалище также нашихъ *чувствъ* и *стремленій*. Такъ, напр., когда ап. Павелъ напряженную борьбу человѣка со своими грѣховными похотями и страстями изображаетъ, какъ борьбу между *человѣческимъ умомъ* и грѣховною плотью человѣка (Рим. VII, 14—25), то въ этомъ случаѣ онъ, несомнѣнно, усваиваетъ *человѣческому уму* уже чисто *волевыя* функціи, которыя, по ап. Павлу, въ свою очередь, какъ мы видѣли, имѣютъ корень въ *человѣческомъ сердцѣ*. Отсюда намъ становится понятнымъ, почему, напр., по словамъ ап. Павла, Богъ, „испытая... *сердца*“ (τὰς καρδίας) людей, вслѣдствіе этого „вѣсть, что есть *мудрованіе* (τὸ φρόνισμα) духа“; очевидно, *мудрованіе* духа, имѣющаго своимъ органомъ *человѣческой умъ*, въ данномъ случаѣ, по Апостолу, *совпадаетъ* съ функціями *человѣческаго сердца* и, слѣдовательно, подъ умомъ въ данномъ случаѣ ап. Павелъ разумѣетъ *умъ практический* (Рим. XIII, 27). Сердечныя и волевыя функціи ап. Павелъ усваиваетъ *уму* *человѣка* также тогда, когда говоритъ о Богѣ, что Онъ *предать* язычниковъ „въ неискусенъ умъ, *творити неподобная*“ (Рим. I, 28), и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ (ср. у *Θ. Симона*: „Психологія Апостола Павла“, русск. переводъ, стр. 38—45). О томъ, что у *св. Іоанна Богослова* познавательныя

функціи въ религіозно-нравственной сферѣ совпадаютъ съ функціями сердечно-волевыми, объ этомъ мы говорили уже выше: по ап. Іоанну познать Бога можетъ лишь тотъ, кто Его *любитъ*. Съ другой стороны, дѣйствительно познавшій Бога *исполняетъ Его заповѣди* (I Іоан. II, 3—5; IV, 7—8 и др.); слѣд., и волевая функція человѣка, по ап. Іоанну, имѣютъ свой психическій центръ въ человѣческомъ сердцѣ. Итакъ, рѣшительное предпочтеніе, отдаваемое практическому разуму предъ разумомъ теоретическимъ, составляетъ, по ученію Новаго Завѣта, первую, наиболѣе общую и основную черту въ душевномъ укладѣ и въ жизни истиннаго христіанина, благодаря чему, мы и признаемъ морально-психологическій типъ христіанина не разсудочно-интеллектуальнымъ, а *сердечно-волевымъ*. Изъ этой основной характерной черты морально-психологическаго типа христіанина вытекаютъ и всѣ тѣ частныя его особенности, которыми мы выше пытались охарактеризовать сердечно-волевой типъ.

Къ таковымъ чертамъ, прежде всего, должно быть отнесено *чуткое, отзывчиво-активное* отношеніе истиннаго христіанина къ явленіямъ окружающей жизни и къ своимъ собственнымъ душевнымъ переживаніямъ, что, какъ мы видѣли и составляетъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ сердечно-волевого типа, въ противоположность разсудочно-интеллектуальному, съ душевной инертностію, косностію и пассивностію этого послѣдняго. Истинный христіанинъ, какимъ его идеаль рисуется въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ, относится не съ разсудочно-апатичнымъ спокойствіемъ къ явленіямъ окружающей жизни, къ ея положительнымъ и отрицательнымъ сторонамъ и, тѣмъ болѣе, не какъ холодный, безстрастный ея наблюдатель и аналитикъ; но какъ человѣкъ, живо и, что называется, всѣми фибрами своей души, въ особенности своего сердца ощущающій біеніе пульса окружающей его внѣшней жизни и своей собственной, во всей ея полнотѣ и сложности,—какъ человѣкъ, способный глубоко и напряженно радоваться, скорбѣть, негодовать и, вообще, глубоко чувствовать и, такъ сказать, переживать, а затѣмъ соотвѣтствующимъ образомъ и реагировать на все разнообразіе явленій окружающей его жизни. Такому именно живому, отзывчивому отношенію къ жизни училъ насъ самъ *Христосъ* и, прежде всего, примѣромъ своей собственной Личности и жизни. Всецѣлая, сыновне-

любящая преданность волѣ Небеснаго Отца; чувство безграничной любви ко всѣмъ людямъ, непрестанно горѣвшее въ душѣ Христа и соединенное со столь же безпредѣльнымъ, нерѣдко находящимъ свое выраженіе въ слезахъ, состраданіемъ къ людямъ, по поводу всевозможныхъ физическихъ и духовныхъ золъ человѣческой жизни, въ особенности, по поводу „окаменѣнія ихъ сердець“; чувство негодованія, нерѣдко до глубины возмущавшее гармоническую, кроткую и любящую душу Христа, когда Онъ встрѣчался съ сознательно укорнымъ противленіемъ истинѣ и добру; безпредѣльное чувство скорби, которое напр., испытала безгрѣшная душа Христа въ Геесиманскомъ саду въ виду предстоящихъ Ему невинныхъ страданій, а также во время самыхъ страданій, когда Онъ почувствовалъ Себя оставленнымъ даже Своимъ Небеснымъ Отцомъ; наконецъ, всегдашняя готовность раздѣлить мирныя радости окружавшихъ Его лицъ, и близкихъ и постороннихъ,—все это, съ несомнѣнностію, говоритъ о томъ, что въ лицѣ Христа намъ дано живое воплощеніе глубоко отзывчиваго, живого отношенія къ жизни и къ людямъ. А тотъ фактъ, что вся жизнь и дѣятельность Христа была всецѣло посвящена дѣлу любви, милосердія и спасенія всѣхъ людей, въ особенности дѣлу облегченія участи труждающихся и обремененныхъ, а также дѣлу борьбы съ „княземъ міра сего“ и его слугами, и что ради этого своего дѣла Онъ сознательно шелъ на вольные страданія,—этотъ фактъ говоритъ о томъ, что Христосъ своею Личностію и жизнью далъ намъ примѣръ не только *отзывчиваго*, но и *дѣятельнаго активнаго* отношенія къ явленіямъ окружающей насъ жизни. Такое же отзывчиво-активное отношеніе къ жизни проповѣдуетъ Христосъ и въ своемъ ученіи: Онъ не только требуетъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они въ своемъ *сердцѣ* имѣли чувство любви и состраданія ко всѣмъ людямъ, не исключая и враговъ; но требуетъ также, чтобы вся ихъ жизнь была посвящена *дѣятельному* служенію людямъ—проповѣданію и распространенію на землѣ Царствія Божія, для достиженія чего имъ необходимо придется претерпѣть всевозможныя страданія, вести упорную и непрестанную борьбу съ противоборствующими темными силами. Христосъ, по Его собственнымъ словамъ, пришелъ возвѣстити не миръ, а мечъ, т. е. внести въ міръ борьбу новыхъ, свѣтлыхъ началъ жизни съ ветхими,

грѣховными. Отсюда, жизнь истиннаго послѣдователя Христа, по Его слову, является *постоянною напряженно-дѣятельною борьбою* со всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе служитъ тормазомъ къ распространенію и утвержденію на землѣ Царствія Божія, и, прежде всего, борьбою со своими собственными злыми помыслами, чувствами и страстями, для чего, конечно, необходимо постоянное *духовное* бодрствованіе, а затѣмъ также борьбой и съ *внѣшними* преградами, съ внѣшнимъ міромъ, который, по слову Христа, „весь во злѣ лежитъ“ и потому не можетъ не ненавидѣть истинныхъ учениковъ Христа, носителей добра, свѣта и истины. Въ наставленіяхъ и заповѣдяхъ Христовыхъ почти вовсе нѣтъ мѣста правиламъ такъ называемаго „житейскаго благоразумія“, а тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста холодной расчетливости. Своимъ ученикамъ Христосъ заповѣдаетъ одно—съ совершеннымъ и свободнымъ послушаніемъ Божественной волѣ идти на то дѣло, на какое они призваны своимъ Божественнымъ Учителемъ, не задаваясь предварительно разсужденіями о томъ, достижима ли та цѣль, къ которой они стремятся, и какимъ образомъ она можетъ быть достигнута. По слову Христа, *Духъ Святый* въ потребную минуту научить ихъ тому, какъ имъ слѣдуетъ поступить и что говорить въ томъ или иномъ случаѣ. Отъ проповѣдниковъ Христова евангелія, такимъ образомъ требуется не холодная расчетливость и разсудительность, не предварительная теоретически разработанная программа и планъ дѣйствій, а пылкое *сердце*, горящее любовью къ Своему Божественному Учителю и къ тому дѣлу, на какое Онъ ихъ послалъ; требуется твердая *воля*, сознательно и свободно, безъ разѣдающей рефлексіи и сомнѣній направленная къ исполненію завѣтовъ воли Божественной. Отсюда, и дѣятельность послѣдователей Христовыхъ оказывается безусловно чуждою того холоднаго, разсудочнаго квіэтизма, той разсчитанности и разсудочной размѣренности, какая столь свойственна дѣятельности человѣка разсудочно-интеллектуальнаго типа. Внѣшняя, энергичная и напряженная дѣятельность послѣдователей Христа, по Его слову, должна вытекать изъ столь же энергичной, напряженной и горячей *внутренней* дѣятельности ихъ духа, а не изъ той холодной теоретической расчетливости, свойственной разсудочно-интеллектуальному типу, при которой душа человѣка остается жосной и холодной, даже при кажущейся напряженности его

внѣшней дѣятельности, когда не столько живетъ и дѣйствуетъ *душа* человѣка, сколько его *тѣло*. Правда, въ евангеліяхъ можно найти нѣсколько мѣстъ, гдѣ Христосъ заповѣдуетъ своимъ ученикамъ не пренебрегать совершенно и правилами житейской мудрости, указывая, напр., имъ на то, чтобы они были „мудры, какъ змѣи“, и умѣли отличать людей добрыхъ отъ злыхъ. Но, вѣдь, этотъ совѣтъ—не теоретически разработанная программа дѣятельности, а тѣмъ болѣе не провозглашеніе примата теоретическаго разума надъ практическимъ: ни откуда не слѣдуетъ, чтобы въ подобнаго рода случаяхъ въ словахъ Христа подъ мудростію подразумѣвалась холодная разсчетливость, при которой потребности и стремленія человѣческаго сердца должны отходить на задній планъ. Напротивъ, самая *общность* подобныхъ наставленій Христа, при столь ясно и опредѣленно формулированныхъ мотивахъ, которыми должны руководиться *сердце* и *воля* Его учениковъ,—говоритъ о томъ, что конкретное содержаніе той „мудрости“, которую заповѣдуетъ Христосъ своимъ ученикамъ, должно быть имъ продиктовано не столько ихъ разсудкомъ, сколько прозорливостію и чуткостью ихъ *сердца* или же тѣмъ вдохновеніемъ свыше, о которомъ Христосъ говоритъ своимъ ученикамъ въ своей прощальной бесѣдѣ. Черствому „благоразумію“ и спокойной „разсудительности“ Христосъ рѣшительно и опредѣленно предпочитаетъ искренній порывъ горячо любящаго сердца, хотя бы поступокъ, вызванный этимъ порывомъ, и не оправдывался предъ судомъ холоднаго разсудка: Христосъ похвалилъ „безразсудный“, съ точки зрѣнія Іуды Искаріота и нѣкоторыхъ другихъ учениковъ, поступокъ женщины, возлившей на ноги Господа миро во время вечера въ дому Симона прокаженнаго,—похвалилъ потому, что горячее ея сердце, очевидно, оцѣнилъ выше спокойной разсудительности нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, осудившихъ ее (Мѡ. XXVI, 7—13; ср. Мрк. XIV, 3—9; Іоан. XII, 2—8).

Ученики Христовы и своимъ ученіемъ и примѣромъ собственной жизни провозгласили міру ту же идею о чуткомъ, отзывчивомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергично-активномъ отношеніи къ явленіямъ окружающей насъ жизни и къ своей собственной, личной жизни. Къ дѣятельной любви къ ближнимъ, къ непрерывной энергичной борьбѣ со своими дурными помыслами, пожеланіями и страстями, къ терпѣливому,

но не пассивному и апатичному, а энергичному и стойкому перенесенію всевозможныхъ искушеній и страданій, постигающихъ истиннаго послѣдователя Христова, къ перенесенію, соединенному съ свѣтлой надеждой на возможность избавленія отъ нихъ, при содѣйствіи Божественной благодатной помощи, — ко всему этому постоянно призываютъ своихъ учениковъ *апостолы: Іаковъ, Петръ, Іуда, Іоаннъ и ап. Павелъ*. Пожеланіе душевнаго мира и радости является въ апостольскихъ посланіяхъ обычнымъ привѣтствіемъ автора къ своимъ адресатамъ. Все это, съ несомнѣнностію, говоритъ о томъ, что апостолы въ своихъ посланіяхъ, слѣдуя живому примѣру своего Божественнаго Учителя, имѣютъ въ виду воздѣйствовать не на теоретическій умъ новообращенныхъ послѣдователей Христа, а не ихъ *сердце* и *волю* и призываетъ ихъ не къ холодному, расчетливо-спокойному отношенію къ своимъ новымъ задачамъ и обязанностямъ, какъ членовъ Христовой Церкви, а къ живому и дѣятельному самоусовершенствованію и преуспѣянію въ исполненіи Христовыхъ заповѣдей.—Слѣдуя завѣту и примѣру своего Божественнаго Учителя, и апостолы Христовы не одобряли слишкомъ ужъ спокойной и черствой „разсудительности“ и крайностей житейскаго „благоразумія“, которыя парализуютъ напряженную внутреннюю работу человѣческаго духа и, прежде всего, парализуютъ горячіе, благородные порывы человѣческаго сердца. Въ качествѣ примѣра, подтверждающаго нашу мысль, достаточно сослаться на наставленія ап. Павла о воздержаніи отъ нѣкоторыхъ родовъ пищи (Рим. XIV) и о неупотребленіи въ пищу идоложертвеннаго мяса (1 Коринѣ. VIII). Холодная, спокойная разсудительность говоритъ за то, что „ничто же скверно само собою“, что, слѣдовательно, можно употреблять въ пищу все, годное для этого; иной взглядъ на данный предметъ яко-бы противорѣчить голосу разсудка и не долженъ быть принимаемъ въ расчетъ. Тотъ же теоретическій разумъ человѣка говоритъ ему, что идолъ—„ничто же есть въ мірѣ“, и что, слѣдовательно, по существу дѣла, якобы нѣтъ никакого грѣха въ томъ, если послѣдователь Христа станетъ ѣсть идоложертвенное мясо; разсуждающій же и поступающій иначе разсуждаетъ и поступаетъ неразумно, и на его ошибочныя сужденія не слѣдуетъ обращать никакого вниманія. Такъ разсуждаетъ эгоистически гордый *теоретическій* разумъ че-

ловѣка разсудно-интеллектуальнаго типа; на этомъ онъ и успокаивается, поступая согласно своимъ воззрѣнiямъ и мало заботясь о томъ, какое впечатлѣнiе на другихъ людей произведетъ его поведенiе. Такому человѣку нѣтъ дѣла до того, если его поступокъ введетъ въ соблазнъ его ближнихъ, наведетъ ихъ на гибельный для нихъ путь сомнѣнiй и, можетъ быть, даже отпаденiя отъ Христа: они, вѣдь, въ такомъ случаѣ сами окажутся виноватыми въ своемъ паденiи—научились бы правильно, „разумно“ смотрѣть на вещи, прислушались бы къ тому, что говорятъ „умные“, понимающiе дѣло люди, и ни соблазна, ни паденiя не послѣдовало бы... Сердце такого не въ мѣру „умнаго“ человѣка, успокоенное его холоднымъ разсудкомъ, молчитъ, при видѣ гибели своего брата. Но апостолъ Павелъ не хочетъ, чтобы тѣ, къ кому онъ пишетъ свои посланiя, сдѣлались такими спокойно-разсудительными, людьми—черствыми сердцемъ и безучастными къ судьбѣ своего ближняго, потому что они въ этомъ случаѣ не были бы истинными послѣдователями Христа: Апостолъ заповѣдуетъ, чтобы тѣ изъ его учениковъ, которые поднялись до истиннаго пониманiя значенiя пищи и идоложертвеннаго мяса,—изъ чувства любви къ своему брату, немощному разумомъ поступились бы своими теоретическими **убѣжденiями**, несмотря на ихъ теоретическую истинность, дабы не привести къ духовной гибели своего ближняго. Другими словами, ап. Павелъ въ данномъ случаѣ рѣшительно осуждаетъ одностороннюю теоретическую „разсудительность“, приводящую человѣка къ очерствѣнiю сердца, къ душевной косности и инертности, и заповѣдуетъ своимъ ученикамъ горячо-отзывчивое, любящее отношенiе къ участи своего ближняго, что, какъ мы видѣли, и составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ сердечно-волевого типа, въ его отличii отъ разсудочно-интеллектуальнаго.

Своею собственною жизнью апостолы Христовы представляли вѣрующимъ живой примѣръ такого именно отзывчиво-активнаго, чуткаго отношенiя къ явленiямъ окружающей жизни и, въ особенности, къ людямъ. Съ этой стороны, особенно ярко и полно рисуется предъ нами, на основанiи ихъ посланiй, духовный обликъ двухъ апостоловъ Христовыхъ—*евангелиста Иоанна Богослова и апостола Павла*.—Вовсѣхъ трехъ посланiяхъ *апостола Иоанна Богослова* мы, что называется, въ каждой строкѣ встрѣчаемъ ясныя доказательства того, что

въ своемъ конечномъ итогѣ все богатое содержаніе душевной жизни апостола, въ сущности, сводилось къ одному чувству — къ нѣжной и самоотверженной *любви* къ Богу и ближнему. Этой любовью окрашивается его представленіе о Богѣ, Котораго онъ постигаетъ, именно, какъ высочайшую *Любовь*, не пощадившую своего Единороднаго Сына для спасенія людей. Въ тонъ самоотверженно преданной и смиренной любви окрашивается глубокая вѣра апостола во Христа, какъ Сына Божія, проявившаго безмѣрную, по своему самоотверженію, безконечно—цѣнную въ глазахъ Божественнаго правосудія любовь къ грѣховному человѣчеству. Наконецъ, этою же любовью проникнута трогательная, отцовски-нѣжная заботливость апостола о своей юной паствѣ: въ души своихъ учениковъ онъ какъ бы старается изъ своей души перелить ту же полноту любви къ Богу, ко Христу и къ людямъ, какою горѣло его собственное сердце, предостерегая ихъ отъ того ложнаго *абстрактно-теоретическаго* представленія о Христѣ, при которомъ Онъ перестаетъ уже быть живою Личностію, воплотившимся Сыномъ Божиимъ, *воплощенною Любовію* къ людямъ, вызывающею къ Себѣ отвѣтную любовь и со стороны этихъ послѣднихъ, а обращается въ какую-то отвлеченную идею или, по крайней мѣрѣ, въ безличную эманацию Божества,—обращается въ объектъ *теоретическаго познанія*, но не въ объектъ *сердечной любви и вѣры* къ Нему. Такимъ образомъ, въ личности ап. Іоанна мы видимъ яркое выраженіе, такъ называемаго *эмоціональнаго* психологическаго типа,—живое воплощеніе глубоко-отзывчиваго отношенія къ жизни и къ людямъ, которому чужды холодно-разсудочный квіэтизмъ и душевная инертность.

Значительно сложнѣе душевный укладъ другого великаго апостола Христова—*ап. Павла*. Душа св. Іоанна Богослова, какъ мы видѣли, почти всецѣло была наполнена однимъ чувствомъ—любовію къ Богу и ближнему, и это чувство, если и не заглушало въ немъ всецѣло другихъ душевныхъ движеній и стремленій, то, во всякомъ случаѣ, отодвигало ихъ на второй планъ или, вѣрнѣе, окрашивало ихъ въ свой специфическій тонъ. Въ душѣ же ап. Павла мы видимъ смѣну самыхъ разнообразныхъ чувствъ и настроеній: на ряду съ нѣжной и свѣтло-радостной любовью къ членамъ юной Христовой Церкви, преуспѣвающимъ въ вѣрѣ и любви и тѣмъ доставляющимъ апостолу душевный миръ и удовлетворе-

нѣ,—въ его любящемъ сердцѣ при другихъ обстоятельствахъ, а иногда и въ то же самое время нерѣдко можно подмѣтить мучительное чувство безпокойства и тревоги за дальнѣйшее религіозно-нравственное преуспѣяніе его духовныхъ чадъ. Часто его любовь къ своимъ адресатамъ соединяется съ глубокимъ чувствомъ скорби, по поводу ихъ уклоненій отъ духа Христова ученія, а это чувство, въ свою очередь, нерѣдко переходитъ въ негодованіе, выражающееся то въ формѣ предостереженій, то въ формѣ угрозъ, когда эти уклоненія готовы были принять характеръ нераскаянности и упорнаго противленія истинѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ап. Павлу приходилось встрѣчаться съ вполне опредѣлившимся состояніемъ сердца и нераскаянностію,—его негодованіе получало характеръ порывистаго, бурнаго чувства, которое нерѣдко тутъ же снова смѣняется чувствомъ глубокой скорби. Высоко развитое чувство своего личнаго достоинства и сознаніе своего высокаго призванія, какъ апостола Христова,—нерѣдко заставляло ап. Павла переживать острое чувство душевной боли и незаслуженнаго оскорбленія, когда окружавшіе его умаляли его достоинство и заслуги, какъ апостола Христова. Въ такихъ случаяхъ ап. Павелъ, полный душевнаго негодованія и чувства протеста противъ этихъ нападокъ, а также изъ опасенія за то, что съ подрывомъ его личнаго авторитета потерпитъ ущербъ и то дѣло, которому онъ служитъ,—весь отдается порыву негодованія отъ глубины своего оскорбленнаго сердца, сознательно не считаясь съ доводами „холоднаго разсудка“ и „благоразумія“, не одобряющихъ такого уклоненія отъ душевнаго равновѣсія... И надъ всѣми этими чувствами въ душѣ ап. Павла царить и ихъ собою проникаетъ одно, наиболѣе глубокое и наиболѣе интенсивное—это сердечная вѣра во Христа, какъ Сына Божія, соединенная съ благоговѣйною самоотверженною любовію къ Нему, внутреннимъ ощущеніемъ своего постоянного духовнаго общенія съ Нимъ и совершенною готовностію подчинить свою волю Его Божественной волѣ и всего себя посвятить дѣлу распространенія и утвержденія на землѣ Церкви Христовой. Ко всему этому у него, далѣе, присоединялось свѣтлое, радостное упованіе на мздовоздаяніе въ будущей жизни, послѣ всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ, когда всѣ вѣрующіе будутъ находиться въ еще болѣе совершенномъ личномъ общеніи со Христомъ, а также духовная

жажда этого посмертнаго общенія съ Нимъ.—Все сказанное нами о характерныхъ чертахъ душевнаго уклада личности ап. Павла ясно говоритъ о томъ, что онъ не только имѣлъ опредѣленный, устойчивый взглядъ на сердце, какъ на основной центръ душевной жизни человѣка; но и въ всей собственной личности далъ намъ живое воплощеніе и высокій примѣръ человѣка, въ душѣ и жизни котораго дѣятельность сердца, дѣйствительно, играла доминирующую роль, относительно котораго съ правомъ можно сказать, что онъ жилъ преимущественно *сердцемъ*, а не разсудкомъ, и что жизнь эта была въ высшей степени интенсивной: вся жизнь ап. Павла была какъ бы однимъ непрерывнымъ и самотверженнымъ „горѣніемъ любви“ его чуткаго, отзывчиваго и благороднаго сердца, въ самыхъ разнообразныхъ его движеніяхъ,—тѣмъ горѣніемъ, которое для послѣдователей апостола служило не только источникомъ духовнаго свѣта, но также источникомъ живительнаго тепла и духовной радости.

Но ап. Павелъ не только обладалъ чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, но также былъ натурой, въ высшей степени дѣятельной, обладая громаднымъ запасомъ *волевой* энергіи. Вся жизнь ап. Павла, какъ она рисуется намъ въ его посланіяхъ, представляетъ изъ себя его непрерывную дѣятельную борьбу, внутреннюю и внѣшнюю: внутреннюю—съ тѣми стремленіями и желаніями, которыя „закону его ума“, т. е. голосу его сердца и совѣсти представлялись, какъ законъ плоти, какъ нѣчто грѣховное (Рим. VII гл.); внѣшнюю—со всѣмъ тѣмъ, что служило ему тормазомъ къ осуществленію имъ своего призванія, какъ апостола Христова. И такого рода препятствій было весьма и весьма не мало,—вплоть до тѣлесныхъ пытокъ, темничнаго заключенія и смертной казни, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего можетъ служить хотя бы, напр., краткій ихъ перечень, данный самимъ апостоломъ (въ 2 Коринѣ. XI, 23—32). А что внѣшняя безмѣрно энергичная дѣятельность апостола Павла не была дѣятельностію только внѣшней, что она вытекала изъ *внутренней активности его духа* и всегда сопровождалась и проникалась этою послѣднею, — доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что ап. Павелъ, какъ мы видѣли, былъ натурой, въ высшей степени и попреимуществу *эмоціональной*, слѣдовательно, каждый волевой его актъ сопровождался соотвѣствующимъ движеніемъ его сердца и даже вытекалъ отсюда

же, а не изъ холодныхъ доводовъ разсудка, кладущаго, обычно, печать холодности и автоматичности и на внѣшнюю дѣятельность человѣка. Внѣшняя энергичная дѣятельность ап. Павла, такимъ образомъ, носила характеръ творческой активности, этой специфической черты сердечно-волевого типа.

Изъ прочихъ апостоловъ Христовыхъ разсматриваемая нами характерная черта сердечно-волевого типа (отзывчиво-активное отношеніе къ жизни) ясно и опредѣленно выражена также у ап. Петра, при чемъ оба основныхъ момента психики этого типа—сердца и воля—у ап. Петра, какъ и у ап. Павла, выражены, въ общемъ, почти съ одинаковою ясностію и энергіей. Объ этомъ мы можемъ отчасти заключать на основаніи его посланій, въ каждой строчкѣ которыхъ, прежде всего, ясно видно *чувство* живой и радостной вѣры во Христа, какъ Искупителя рода человѣческаго, и благоговѣйной любви къ Нему, а также чувство своего высокаго человѣческаго достоинства, вытекающее изъ яснаго сознанія того, что своимъ званіемъ христіанина онъ обязанъ безцѣнной искупительной жертвѣ, принесенной за людей Ангеломъ непорочнымъ и пречистымъ—Христомъ (1 Петр. I, 1—21, 23; II, 9—10). Въ призывѣ ап. Петромъ новообращенныхъ членовъ Церкви Христовой къ осуществленію въ жизни, въ практической дѣятельности заповѣдей Христовыхъ, въ особенности заповѣди о взаимной дѣятельной, братской любви другъ къ другу (1 Петр. I, 22; II, 12; III, 8—15; II, 5; 2 Петр. I, 5—8); въ призывѣ его къ непрестанному внутреннему бодрствованію и непрестанной внутренней борьбѣ со своими дурными страстями (1 Петр. II, 11); наконецъ, въ призывѣ апостола къ терпѣливому и въ то же время бодрому перенесенію тѣхъ страданій, какія выпадаютъ на долю послѣдователей Христовыхъ, бодрому, говоримъ, поскольку въ душѣ Апостола жива была глубокая вѣра и радостная надежда на окончательное торжество въ будущемъ (со вторымъ пришествіемъ Христовымъ) добра надъ зломъ,—во всемъ этомъ, съ несомнѣнностію, можно видѣть выраженіе *энергичной, непреклонной воли* въ характерѣ ап. Петра и его расположеніе къ неустанной *дѣятельности*. И эта активность апостола не была лишь внѣшней, поскольку, по его словамъ, добродѣтельная дѣятельность человѣка должна имѣть свой источникъ и свой, такъ сказать, психическій

центръ, именно, во внутреннихъ тайникахъ человѣческаго сердца (1 Петр. III, 4; ср. III, 15). Пылкое сердце ап. Петра и порывистая активность его натуры, которой совершенно была чужда холодная разсудительность и расчетливость,—съ несомнѣнною подтверждаются и тѣми евангельскими мѣстами, гдѣ онъ по тому или иному поводу выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица. Въ подтвержденіе этого достаточно упомянуть, напр., о фактѣ исповѣданія ап. Петромъ вѣры во Христа, какъ Сына Божія, о евангельскомъ разсказѣ относительно его хожденія по водамъ, о поступкѣ ап. Петра во время омовенія Христомъ ногъ своимъ ученикамъ передъ тайною вечерью, о готовности ап. Петра защищать Христа, при взятіи Его стражей, о горячемъ раскаяніи ап. Петра послѣ его отреченія отъ Христа и т. п. Непокколебимая твердость воли ап. Петра засвидѣтельствована самимъ Христомъ и запечатлѣна Имъ въ самомъ его имени.—Призывъ къ тому, чтобы сердечная вѣра во Христа сопровождалась добрыми дѣлами, въ духѣ исполненія заповѣдей Христовыхъ; далѣе, призывъ вѣрующихъ во Христа къ стойкому терпѣливому перенесенію постигающихъ ихъ страданій, въ свѣтлой радостной надеждѣ на Божественную помощь свыше; наконецъ, призывъ къ энергичной внутренней борьбѣ съ искушеніями плоти, борьбѣ, также окрыляемой свѣтлой надеждой на Божественную помощь,—все это составляетъ, такъ сказать, основной тонъ и посланія ап. *Іакова*, свидѣтельствуя о томъ, что и въ ап. *Іаковѣ* мы видимъ яркаго представителя сердечно-волевого типа, съ нѣкоторымъ, можетъ быть, преобладаніемъ въ его душевномъ укладкѣ элементовъ активности надъ эмоціональными.

При столь ярко и опредѣленно выраженномъ чуткомъ, отзывчиво-активномъ отношеніи христіанина (какимъ его идеаль рисуется въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ) къ явленіямъ окружающей его жизни и къ своимъ собственнымъ душевнымъ переживаніямъ,—естественно ожидать, на основаніи сказаннаго нами выше, что и вторая частная характерная черта сердечно-волевого типа, развитое сознаніе и живое ощущеніе своей личности, какъ вытекающая изъ только что нами разсмотрѣнной, также должна со всею опредѣленностію сказаться въ душевномъ укладѣ истиннаго послѣдователя Христова. Въ подтвержденіе этого намъ достаточно сослаться на все, сказанное нами выше о живомъ,

чуткомъ и въ то же время активномъ отношеніи христіанина какъ къ внѣшнему міру, такъ и къ движеніямъ своей собственной души, такъ какъ вслѣдствіе такого, именно, отношенія къ міру и къ самому себѣ, наше собственное „я“ и внѣшній міръ нашему сознанию и внутреннему воспріятію и ощущенію предстаютъ, какъ деѣ реально между собою различающіяся величины,—величины, одинаково *реальныя* со стороны своей онтологической цѣнности. И, дѣйствительно, истинный послѣдователь Христа, какимъ онъ намъ представленъ въ Новомъ Завѣтѣ, опредѣленно сознаетъ и ощущаетъ свое „я“, какъ нѣчто *отличное* отъ внѣшняго міра, какъ бытіе, *живущее* своею *собственною интенсивною жизнью*, а явленія внѣшняго міра воспринимаетъ, какъ нѣчто, именно, *извнѣ* вліяющее на ходъ его душевной жизни, что можно или усвоить себѣ или противостоять ему, бороться съ нимъ, къ чему, какъ мы видѣли, такъ часто призывалъ насъ и Христосъ и Его апостолы. Внутреннее „я“ христіанина въ его сознании и самоощущеніи поэтому не растворяется въ процессъ міровой жизни; свое „я“ христіанинъ не сливаетъ даже съ основнымъ принципомъ бытія—Богомъ. И въ отношеніи христіанина къ самому себѣ его сознание, его „я“ не растворяется безъ остатка въ суммѣ переживаемыхъ имъ тѣлесныхъ и душевныхъ движеній и функцій. Христіанинъ ощущаетъ свое тѣло, какъ нѣчто, *отличное* отъ его внутренняго „я“, какъ нѣчто такое, что, по ученію Христа и Его апостоловъ, какъ мы видѣли, нерѣдко противоборствуетъ этому „я“, его задачамъ и стремленіямъ, съ чѣмъ иногда должно и возможно бороться, укрощать его. Да и въ отношеніи къ своимъ *душевымъ* переживаніямъ христіанинъ ощущаетъ свое „я“ тоже, какъ нѣчто, не совпадающее съ этими послѣдними, отличное отъ нихъ, какъ нѣчто такое, что должно бы свободно *управлять, господствовать* надъ душевными отправлениями человѣка, хотя это и не всегда ему удается. Другими словами, христіанину живо присуще не только *сознаніе* своей внутренней жизни, но также и *самосознаніе*, точнее—самоощущеніе, въ чемъ, главнымъ образомъ, съ особенною опредѣленностію и интенсивностію и выражается *личность* человѣка, его „я“. Конечно, самосознаніе и самоощущеніе является однимъ изъ основныхъ моментовъ душевной жизни cadaго человѣка; но у однихъ людей *самоощущеніе* ими своего „я“, какъ психическаго центра и сво-

боднаго господина ихъ душевныхъ и тѣлесныхъ функцій, выражено съ меньшею ясностію и интенсивностію, у другихъ съ большею, и это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, насколько интенсивна жизнь ихъ *сердца* и *воли*, такъ какъ, именно, на этой почвѣ развивается въ душѣ человѣка его реальная *свободная активность* въ отношеніи къ внѣшнему міру и къ своимъ собственнымъ душевнымъ движеніямъ. Теоретическій же разумъ человѣка, самъ по себѣ въ своихъ отвлеченіяхъ можетъ возвыситься лишь до *абстрактно-логическаго* понятія о нашемъ „я“, какъ психологическомъ центрѣ, но никакъ не до *живого самоощущенія* этого „я“, какъ *реальности*, имѣющей не только логическую, но и *онтологическую* цѣнность. Относительно истиннаго христіанина, какимъ его идеаль рисуется въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ, христіанина, живущаго, какъ мы видѣли, попреимуществу жизнию сердца и воли и, при томъ, жизни, въ высшей степени интенсивной, должно eo ipso сказать, что самоощущеніе имъ своей *личности* въ только что указанномъ нами смыслѣ (т. е. въ смыслѣ сознанія и ощущенія въ себѣ, въ своемъ „я“ способности свободно-активнаго воздѣйствія на ходъ своей тѣлесной и душевной жизни),—развито въ немъ въ высшей степени. И это сознаніе и самоощущеніе имѣетъ свой психическій корень не только въ присущей каждому человѣку способности къ самонаблюденію, каковая способность въ христіанинѣ, вслѣдствіе напряженности его внутренней, сердечной жизни, изощрена въ самой сильной степени, но также въ глубокой вѣрѣ христіанина въ благодатную Божественную помощь, подаваемую христіанину свыше, какъ плодъ искупительныхъ страданій Христа, Который возродилъ къ новой, свободной жизни падшаго человѣка, доселѣ работавшаго грѣху, сдѣлавъ изъ него какъ-бы новое созданіе, новаго Адама, сообщивъ ему высшую духовную цѣнность.—Съ особенною полнотою и опредѣленностію психика христіанина, съ разсматриваемой нами стороны, раскрывается у *ап. Павла*, въ его извѣстномъ ученіи о трехъ основныхъ сторонахъ человѣческой природы — плоти (*σάρξ*), души (*ψυχή*) и духа (*πνεῦμα*), при чемъ принципъ *самосознанія*, или человѣческаго „я“ апостоломъ полагается, именно, въ *πνεῦμα*. Духъ человѣка (*πνεῦμα*), по ученію ап. Павла, и есть, именно, та сторона человѣческой природы, которая, по своему Божественному происхожденію отъ Духа Божія, возвы-

шается надъ *сáръ* и *ψυχή* чело́вѣка, поскольку *сáръ* у ап. Павла является принципомъ матеріальной, тѣлесной стороны чело́вѣческой природы, а *ψυχή* въ своихъ отпра́вленіяхъ неразрывно связана съ тѣломъ и является принципомъ, хотя душевной, но еще только, такъ сказать, животной жизни чело́вѣка. По своему же значенію въ жизни чело́вѣка духъ (*πνεῦμα*) является не только ея психическимъ центромъ, но и носителемъ свободной активности чело́вѣка, такъ какъ благодаря, именно, своему духу (*πνεῦμα*), онъ, будучи возрожденъ Христомъ къ новой, свободной отъ грѣховнаго рабства жизни,—можетъ управлять своими душевными и плотскими движеніями и стремленіями, въ той или иной степени отрѣшаться отъ нихъ и возноситься къ Богу (1 Коринѣ. II, 11; XIV, 14; осрб. Рим. VII, 16—25; XII, 21 и др. Ср. Θ. Симонъ: „Психологія апостола Павла“, русск. переводъ, стр. 32—47; ср. стр. 1—47).—Сознавая и ощущая себя, именно, какъ *личность*, христіанинъ и въ другомъ чело́вѣкѣ также видитъ, прежде всего, *личность*, т. е. нѣчто такое, за чѣмъ не только должно быть признано значеніе объективной реальности, но также *обязанность и право на свободную активность* во внѣшней и внутренней его жизни. На этой психологической основѣ въ душѣ христіанина, прежде всего, и развивается уваженіе къ своему собственному чело́вѣческому достоинству и живое, а не абстрактно-логическое только признаніе такого же достоинства за другими людьми,—въ связи, конечно, съ другими, главнымъ образомъ, религіозными мотивами, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Видя въ себѣ самомъ и въ другихъ людяхъ, прежде всего, *личность*, которой присуща способность *свободной активности*,—христіанинъ, естественно, оказывается совершенно чуждымъ того детерминизма и фаталистически-апатичнаго отношенія къ внѣшнему міру и къ самому себѣ, къ какому, какъ мы видѣли, такъ легко приходитъ чело́вѣкъ разсудочно-интеллектуальнаго типа. Напротивъ, сознавая и ощущая себя *личностію*, при томъ возстановленною Христомъ въ ея правахъ на свободное управленіе функціями своей души и тѣла,—христіанинъ тѣмъ самымъ приходитъ къ убѣжденію въ возможности и радикальнаго *нравственнаго* обновленія чело́вѣка, на какой бы низкой ступени нравственнаго паденія онъ ни находился, помня слова Господа, сказанныя Имъ Никодиму, о возможности для чело́вѣка новаго благодатнаго рожденія

свыше, а также слова Господа о томъ, что Онъ пришелъ спасти не праведниковъ, а, именно, грѣшниковъ, которыхъ Онъ неустанно и призывалъ къ покаянію, помня далѣе примѣръ разбойника, которому его раскаяніе въ предсмертную минуту открыло двери рая, помня прощеніе Христомъ раскаявшейся грѣшницы и подобные факты изъ жизни Господа. И апостолы въ своихъ посланіяхъ неустанно призывали къ сердечному покаянію и обращенію ко Христу, отъ тмы къ свѣту, отъ грѣховнаго рабства плоти къ свободѣ духа, считая за нѣчто безусловно несомнѣнное—возможность такого радикальнаго нравственнаго переворота въ душѣ человѣка, обновленнаго благодатію Христовою, если только онъ этого искренно захочетъ.

Признавая за человѣческою личностію вообще, и облагодатствованною Христомъ въ особенности, право и возможность господства надъ матеріальною, тѣлесною стороною человѣческой природы, послѣдователь Христова ученія на этомъ не останавливается; но, согласно ученію своего Господа и фактамъ изъ Его личной жизни, а также ученію Его апостоловъ, приходитъ къ убѣжденію въ возможности для человѣка свободнаго воздѣйствія и на внѣшнюю *матеріальную* природу. Весь міръ сознанію христіанина представляется подчиненнымъ не неизмѣннымъ законамъ натуральной необходимости, а свободной волѣ высочайшаго *личнаго* Существа Бога, стоящей выше натуральныхъ законовъ, и хотя не уничтожающей ихъ, но могущей во всякое время измѣнить ихъ ходъ и направить его согласно своимъ благимъ и премудрымъ *цѣлямъ*, употребить ихъ, какъ орудіе къ осуществленію этихъ послѣднихъ. Другими словами, общее міросозерцаніе христіанина всецѣло проникнуто теологической телеологической и моральной тенденціей, присущей, какъ мы видѣли, сердечно-волевому типу, въ противоположность одностороннему натурализму и эмпиризму разсудочно-интеллектуальнаго типа. Истинный христіанинъ не удовлетворяется признаніемъ одной эмпирической дѣйствительности, съ ея законами причинной зависимости и натуральной необходимости: въ міровой жизни онъ ищетъ и усматриваетъ проявленіе тѣхъ же законовъ, которые управляютъ и дѣятельностію его *свободной воли*, т. е. законовъ разумной цѣлесообразности. И, дѣйствительно, признаніе Божественнаго Промысла о мірѣ вообще, и о человѣкѣ въ особенности,—

является краеугольнымъ ученіемъ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта: этому учили своихъ учениковъ и самъ Христосъ и Его апостолы. Въ новозавѣтномъ ученіи объ искупленіи рода человѣческаго Сыномъ Божиимъ и о совершенномъ обновленіи всей природы къ концу міровой жизни—идея о Божественномъ Промыслѣ нашла свое высшее развитіе и завершеніе.

Въ этой телеологической точкѣ зрѣнія на міръ, лежащей въ основѣ всего новозавѣтнаго міросозерцанія, личность христіанина находитъ новую психологическую почву для дальнѣйшаго развитія въ себѣ сознанія и самоощущенія своей свободной активности,—не только въ отношеніи къ самому себѣ, но и въ отношеніи къ *внѣшней матеріальной* природѣ. При своей телеологической точкѣ зрѣнія на міръ, христіанинъ въ *принципѣ* признаетъ фактъ подчиненія законовъ натуральной необходимости законамъ *свободной воли* личнаго существа, какъ такового, а поскольку и въ человѣкѣ христіанинъ видитъ, прежде всего, свободную личность, хотя и не всемогущую, какъ Божество, а ограниченную,—то отсюда онъ, естественно, проникается убѣжденіемъ въ возможности и для человѣка, въ извѣстной ограниченной степени, свободно вліять на ходъ натуральныхъ законовъ природы, подчинять ихъ своимъ цѣлямъ, насколько это согласно съ цѣлями Божественнаго Промысла. Эта власть свободной и разумной человѣческой личности надъ неразумной природой, по ученію Новаго Завѣта, достигаетъ своего высочайшаго, сверхъестественнаго могущества, въ особенности, со времени пришествія въ міръ Христа, Сына Божія, у Его послѣдователей, поскольку, именно, черезъ Христа произошло возрожденіе человѣческой природы, возстановленіе человѣческой личности въ ея истинныхъ правахъ господства надъ неразумной природой. Благой Божественный Промыслъ дѣлаетъ послѣдователей Христа, Сына Божія, въ извѣстной, конечно, ограниченной степени, какъ бы причастными Его Божественнаго всемогущества, поскольку вѣрующій во Христа тѣмъ самымъ, по Его слову, какъ-бы духовно срастается съ Нимъ и становится участникомъ Его жизни. Основанія для своей вѣры въ возможность такой сверхъестественной власти человѣческой личности надъ неразумной природой христіанинъ находитъ въ словахъ Господа о томъ, что „невозможное для человѣка—возможно для Бога“, и что вѣрующій во Христа

получаетъ, по своей молитвѣ, силу и власть творить чудеса, по примѣру многочисленныхъ чудесъ, сотворенныхъ самимъ Христомъ. Объ этой же возможности для послѣдователей Христа творить чудеса говорятъ въ своихъ посланіяхъ и Его апостолы.

Чуждое односторонняго натурализма міросозерцаніе и настроеніе истиннаго христіанина, по новозавѣтному ученію, вслѣдствіе этого, всецѣло проникнуто характеромъ *религиозности*, что, какъ мы видѣли, также составляетъ одну изъ основныхъ чертъ сердечно-волевого морально-психологическаго типа, въ противоположность натурализму и эмпиризму типа разсудочно-интеллектуальнаго. Сознавая и живо ощущая себя, какъ личность, христіанинъ и основу всего бытія—Бога мыслить и ощущаетъ, именно, какъ высочайшую *Личность*, а такъ какъ основная тенденція всякой развитой личности, какъ таковой, съ преобладающимъ значеніемъ въ ея внутренней жизни *практическаго* разума надъ теоретическимъ, заключается, какъ мы видѣли, въ ея стремленіи стать *выше* натурального, эмпирическаго бытія, съ его механическими законами,—то отсюда естественно, что христіанинъ познаетъ и живо ощущаетъ Бога, именно, какъ личность *премірную*. А такъ какъ, съ другой стороны, доминирующую роль въ душевной жизни христіанина играетъ его *практический* разумъ, точнѣе—его *сердце*, въ которомъ, такъ сказать, локализуются функціи его воли и ума, а основнымъ мотивомъ сердечной жизни христіанина является, какъ увидимъ ниже, *любовь*,—то отсюда естественно, что и личное Божество познается и ощущается христіаниномъ, прежде всего, какъ величайшая *Любовь*, а затѣмъ уже—какъ высочайшій *Разумъ* и всемогущая *Воля*. Въ живомъ личномъ единеніи съ такимъ Божествомъ, ставшимъ чрезъ посредство Христа близкимъ и доступнымъ человѣку, послѣдній, по новозавѣтному ученію, долженъ находить удовлетвореніе основнымъ запросамъ и потребностямъ своей личности и прежде всего—стремленіямъ своего любящаго сердца. Отсюда, вся внутренняя жизнь христіанина заполняется однимъ основнымъ стремленіемъ и упованіемъ—*жить въ Богѣ и для Бога*, въ чувствѣ блаженной любви къ Нему, въ духовномъ, вѣрою и любовью проникнутомъ единеніи со Христомъ, Сыномъ Божиимъ. Всѣ прочія стремленія христіанина и задачи его жизни почерпаютъ свой смыслъ, значеніе и цѣнность, именно, въ этомъ основномъ

стремленіи его духа, здѣсь же находя свой вѣнецъ и завершеніе. А поскольку Богъ въ сознаніи христіанина ощущается, какъ существо *премірное*, постольку и стремленіе христіанина къ живому личному общенію съ Нимъ получаетъ характеръ стремленія къ *премірному* существованію и своего полного удовлетворенія и завершенія во время земной жизни человѣка, очевидно, получить не можетъ. Отсюда—глубокая вѣра христіанина въ *личное* безсмертіе человѣческой души и *воскресеніе* изъ мертвыхъ человѣческаго тѣла въ прославленномъ видѣ, дабы *весь* человѣкъ могъ оказаться причастнымъ общенія съ Богомъ и вытекающаго отсюда высочайшаго блаженства. Психологически вполнѣ естественно, что истинный послѣдователь Христовъ не только не боится смерти, но жаждетъ ея, такъ какъ въ глазахъ христіанина смерть есть путь къ совершенному общенію со Христомъ, а черезъ Него и съ Богомъ Отцомъ, общенію въ духѣ любви, слѣдовательно,—путь къ высочайшему блаженству, которое человѣкъ во время своей земной жизни можетъ лишь отчасти предвкушать. На земную жизнь христіанинъ смотритъ лишь какъ на временный, переходный моментъ къ жизни вѣчной. Здѣсь, на землѣ человѣкъ долженъ предуготовить себя къ той, вѣчной жизни, исполняя волю Божію, возвѣщенную людямъ черезъ Сына Божія, Іисуса Христа, черезъ посредство Котораго возрожденной душѣ христіанина подаются свыше также благодатныя силы къ исполненію Христовыхъ заповѣдей. Все это, съ несомнѣнностію, говоритъ о томъ, что глубокая религіозность, дѣйствительно, является основнымъ моментомъ духовной жизни истиннаго послѣдователя Христова, какимъ его идеаль рисуется въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ *).

И. Чаленко.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки